

гдѣ бы не происходило воровства казенныхъ денегъ. Не слѣдуетъ ли признать средоточіями самаго тлетворнаго вліянія тѣхъ безчисленныхъ должностныхъ лицъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, во всѣхъ отрасляхъ гражданской службы и разныхъ отдѣлахъ самоуправленія, тѣхъ лицъ, которыя не различаютъ между собственнымъ кошелькомъ и сундукомъ казны, города, которыя воруютъ у богатаго и бѣднаго, берутъ взятки, чтобы принимать негодные товары вмѣсто добротныхъ, представляютъ начальству ложные отчеты и даже содержатъ шайки профессиональных воровъ, дабы вмѣстѣ съ ними обкрадывать таможи, хлѣбные амбары, вагоны желѣзныхъ дорогъ? Явленія этого рода наблюдаются и въ странахъ, которыя уже давно измѣнили государственнй строй; но тамъ они составляютъ очень рѣдкое исключеніе. И самъ Толстой замѣчаетъ какъ бы безсознательно, что представительное правленіе принесло людямъ разнообразныя выгоды; но онъ не хочетъ дать себѣ отчета въ ихъ значеніи. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что въ странахъ Запада исчезли стѣсненія печати, религіозныя гоненія, наказанія людей безъ суда... Но, вѣдь, все это имѣетъ громадное вліяніе на благополучіе человѣка.

Невѣрно замѣчаніе Толстого, что въ цивилизованныхъ странахъ становится все тяжеле положеніе людей, которые должны поддерживать праздныхъ и роскошествующихъ: подъ кормильцами слѣдуетъ разумѣть земледѣльцевъ; а наблюденія показываютъ, что въ культурныхъ государствахъ ихъ жизнь измѣняется къ лучшему. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи крестьяне-фермеры отличаются большою зажиточностью; положеніе сельскихъ классовъ Франціи гораздо выше теперь, нежели до Великой революціи, даже лучше, нежели въ половинѣ 19 вѣка; а въ Германіи оно теперь выше, чѣмъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда конституціонный строй не былъ извѣстенъ почти ни одному германскому государству⁸⁶).

Толстому кажется, что усвоеніе Россіей формъ, которыя уже давно господствуютъ на Западѣ, приведетъ къ потерѣ земли народомъ, къ увеличенію государственныхъ податей и долговъ, вооруженіямъ и бессмысленнымъ войнамъ. Только тотъ можетъ смѣло высказывать такія предположенія, кто совсѣмъ упускаетъ изъ вида, какъ прожила Россія три послѣднихъ десятилѣтія. Нашъ стародавній государственный строй сохранялся неизмѣнно, а между тѣмъ народъ лишился земли: ея площадь въ рукахъ крестьянъ увеличивалась болѣе медленно, чѣмъ росло населеніе,